

ПИОНЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПАРАДИГМЫ

На протяжении всей российской истории XX века, насыщенной крупными событиями, политическими экспериментами, происходила кардинальная трансформация ценностей, в том числе, связанных и с миром детства. Благодаря особой роли воспитания, образования, трансляции социальных ценностей посредством семьи, история детства способна предоставить ценные сведения для анализа формирования «нового» человека под воздействием прямых репрессивных и дискурсивных идеологических практик, осуществляемых, в первую очередь государством.

Необходимость в изучении истории детства была осознана исторической наукой не сразу. Российский «детский мир» был практически исключен из сферы исторического знания и историографической практики [6, с. 12]. Это было связано с тем, что историческая наука ориентирована, прежде всего, на изучение «истории сверху», а также традиционное отношение общества к ребенку как к «неполноценному и несостоявшемуся» взрослому приводило к исключению его из поля исследования. Изучение «детского опыта» вполне может быть применено при реконструкции «взрослой» повседневности той или иной эпохи, в частности, изучаемого нами периода первых лет советской власти.

Целью данной статьи является изучение способов трансформации детского мира в изменяющийся социально пространственный и политический контекст в первые года советской власти через призму так называемого «детского движения».

История пионерской организации в контексте более общей проблемы детского движения на современном этапе методологического плюрализма представляет несомненный научный интерес. Но вызывает некоторое недоумение тот факт, что пионерская организация вообще не попала в поле зрения исследователей, работающих в сфере культурной антропологии: организованное детское коммунистическое движение с его ритуальной и культовой практикой, с его корпусом документов, в том числе и «самодельных», разнохарактерных печатных изданий и, в конце концов, фольклором, оказалось на задворках современных антропологически ориентированных исследований.

Ребенок неизменно расценивался как воплощение будущего революции, а «счастливое детство» — как результат социалистических преобразований [6, с. 52]. Государство становилось «большой семьей», политические

лидеры — «отцами», мужчины и женщины — «сыновьями и дочерьми», дети — «внуки октября». К. Кларк отмечает, что в 1920-е гг. преобладала горизонтальная ось — «братья и сестры» [1, с. 118].

Внедрение новых, советских ценностей в детское сознание происходило посредством «новой» детской литературы и сказки, учебников и учебных пособий, а также детского кино для подрастающего поколения. Более всего идеологизация проявлялась в специальной литературе. Наравне с идеологизированной существовала «великая» детская литература, где допускалась большая свобода жанра и слова [4, с. 31]. Однако, литературное наследие даже безыдейных детских авторов содержала вполне советские идеалы и образцы. Так, в стихотворении «Игра» Даниила Хармса существительное «самолет» употребляется с прилагательным «советский» [6, с. 55].

Мифологизация являлась основой для оценки детьми различных исторических личностей. Так, в книге Н. Тумаркина «Ленин жив!» очень обстоятельно и источниковедчески доказательно рассматривается превращение имени Ленина в ключевую фигуру ценностно-семантического поля массового детского сознания в 1920-е гг. [7].

В текстах песен задаются идеологические приоритеты: труд, наш, дружба, борьба, работа. Словами «барабан», «лагерь», «песня», «знамя», «ряд» создается контекстное окружение для субъектов действия [2, с. 11].

Детские социокультурные практики начала XX в. породили особые, очень специфические «детские» тексты-воспоминания. Данный источник обладает высокой эмоциональностью, фантазийностью представлений, символическостью образов, а также «плохостью», то есть несовершенством письма вне зависимости от происхождения источника. Скучность языка в полной мере окупаются внутренней достоверностью и предельной честностью ребенка: «Я пишу теми словами, какими мне все это казалось» или «Я не умею врать, а пишу, что правда» [6, с. 78].

Картина детского мира была представлена и в советском художественном кинематографе, особенно в фильмах, созданных конкретно для детей. Например, в 1924 г. был снят фильм «Как Петюнька ездил к Ильичу» (реж. М.И. Доронин), который утвердился в кинематографе на правах особого жанра: спасенные от голода в Поволжье Петюнька и его сестра, став детдомовцами, связывают свое наступившее благополучие с именем Ильича (Ленина) и поэтому воспринимают его смерть как личное горе. Сам кинематограф тоталитарной эпохи был, по существу, превращен в «футурологию оруэлловского типа, где дети представляли как взрослые маленького роста, своего рода пришельцы из прекрасного мира коммунизма в пока еще несовершенный взрослый мир строящегося социализма» [5, с. 23], то отношение самих детей советским детским фильмам было далеко не однозначным, и не все дети высказывали восторг по поводу революционного кино.

После 1917 года у российских детей наступило «другое» детство. На смену прежней системе ценностей и текстов поведения пришло новое сконструированное социо-культурное пространство. Дети стали расцениваться как образцовые носители нового социального порядка, во имя которых была осуществлена революция и оказались вовлеченными в оптимизм новой социальной утопии построения светлого коммунистического будущего. Одной из важнейших форм, в которой происходило это великое социальное конструирование — было пионерское движение.

Библиографический список

1. Какорея. Из истории детства в России и других странах: Сб. статей и материалов. Сост. Г.В. Макаревич. М. — Тверь: Научная книга, 2008. 386 с.
2. Кларк К. Советский роман: История как ритуал. Пер. с англ., ред. М.А. Литовской. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 262 с.
3. Леонтьева С.Г. Литература пионерской организации: идеология и поэтика [Текст]: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.01.08; Тверской гос. ун-т. Тверь, 2006. 24 с.
4. Майофис М., Кукулин И. Семиотика детства: Вступительная заметка // Новое литературное обозрение. 2002. №58.
5. Нусинова Н. «Теперь ты наша» Ребенок в советском кино. 20–30-е годы // Искусство кино. 2003. №12.
6. Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория, практика исследования. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. 256 с.: ил. 63.
7. Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России / Пер. с англ. С. Л. Сухарева. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. 285 с.

Н.А. Мурзаков

Самарский государственный социально-педагогический университет

«КИРОВСКИЙ ПОТОК» И ПОЗИЦИЯ БЕЛОЙ ЭМИГРАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ БЫВШИХ ДИПЛОМАТОВ)

Совершенное 1 декабря 1934 года убийство секретаря Ленинградского обкома С.М. Кирова стало поводом к усилению внутривластных репрессий, впоследствии получивших название «Кировский поток». Обращая внимание на неоднозначность результатов расследования, ряд исследователей указывают на его сфабрикованный характер [1; 2]. Одним из направлений следствия был поиск следов участия белоэмигрантских организаций в подготовке и осуществлении убийства, поэтому стоит рассмотреть взгляд на события «снаружи» — позицию эмигрантских кругов по этому делу.

Источниками для анализа стала частная переписка между дипломатами Е.В. Саблиным и В.А. Маклаковым, представлявшими интересы русской эмиграции в Великобритании и Франции соответственно. В период с де-